

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Елистратов В.С., Хэ Я. Современный китайский учащийся в российском вузе: опыт составления суммарного портрета культурно-языковой личности // Философия и культура. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.1.73037 EDN: ARSAUL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73037

Современный китайский учащийся в российском вузе: опыт составления суммарного портрета культурно-языковой личности

Елистратов Владимир Станиславович

доктор культурологии

кандидат филологических наук; доктор культурологии; профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

✉ vse.slova@mail.ru

Хэ Яньли

ORCID: 0009-0004-6792-4352

соискатель; факультет иностранных языков и регионоведения; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Менделеевская, 1

✉ linda.he@yandex.ru

[Статья из рубрики "Национальный характер и менталитет"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.1.73037

EDN:

ARSAUL

Дата направления статьи в редакцию:

11-01-2025

Дата публикации:

18-01-2025

Аннотация: Предмет исследования заключается в том, что в статье предпринимается попытка создать суммарный портрет культурно-языковой личности китайского учащегося

в современных российских вузах. Связь китайской культурно-языковой личности с архетипическими элементами национального образа мира определяет ее константные составляющие при всех изменениях индивидуальных свойств и качеств. При этом существующие эксплицитные или имплицитные стереотипы могут являться лишь частью обобщенного портрета. В основе китайской культурно-языковой личности лежит свойство, которое часто формулируется китаеведами как витализм. Виталистичность современной китайской аудитории исследуется в связи с такими феноменами, как «гелотоцентризм» и «фагоцентризм», восходящими к традиционной китайской картине мира. «Гелотоцентризм» позволяет понять, почему смех становится одной из доминант психологической атмосферы в аудитории, а также выявить эффективность «смеховой дидактики» на различных этапах обучения. В ходе исследования были использованы разнообразные методы, включая наблюдение, анализ литературы, историко-литературные исследования, сравнительный и дискурс-анализ. «Фагоцентризм» – это не просто «наполнение желудка», но своеобразная форма обладания высшим знанием, ментальная «ориентация в пространстве Бытия». Кроме того, для китайцев, живущих в России, еда – один из самых действенных способов решения проблем адаптации и снятия психологического стресса. Актуальность исследования определяется новизной подхода, поскольку новизна показывает, что фаготерапия и гелотерапия рассматриваются как важнейшие модусы человеческого бытия, подчеркивается их значительная роль в философии образования. Прослеживая связь между историей китайской культуры и ее современным состоянием в аспекте международного образования, исследование демонстрирует, что ассоциативно-симпатическое мышление напрямую связано с виталистическим восприятием мира. Витализм, в свою очередь, предполагает «холизм» как интегральную форму освоения действительности.

Ключевые слова:

суммарный портрет, эмическая единица, культурема, витализм, гелотология, фагология, холизм, смеховая дидактика, культурно-языковая личность, китайская аудитория

Китайские учащиеся в современных российских вузах (бакалавры, магистры, аспиранты, стажеры), разумеется, совершенно разные люди. У них разные уровни владения русским языком, профессиональные навыки, различные психотипы, они представляют широчайшую палитру регионов Китая со своей «цветущей сложностью» региональных особенностей и т.д. Потому что Китай – это, как говорят многие геополитики, цивилизация, претворяющаяся «из скромности» всего лишь страной. Трудно свести все это к единому методологическому знаменателю.

Конечно, заявленную тему можно было бы легко «свернуть» на разговор о китайском национальном характере и о необходимости учитывать его особенности в процессе преподавания. В принципе это – общее место теории и практики межкультурной коммуникации, основа, доминанта ее топики, что-то вроде классовой теории в марксизме.

«Национальный характер» - как бы креативная черная дыра с очень широким «горизонтом событий», гигантский полигон научных (а иногда и околонуучных) экспериментов. И тем не менее, многие наработки в данной области можно и нужно взять на вооружение.

Существует достаточно детально разработанная концепция языковой личности [\[6\]](#).

Известна и критика этой концепции, в частности, критика избыточности самого термина: ведь вроде как неязыковой личности не бывает, любая личность языковая [\[21\]](#). На эту критику можно возразить, что личность может быть не только языковой. Мы ведь не знакомы с языковой личностью Андрея Рублева, но его работы несут на себе отпечаток ярчайшей личности.

Так или иначе, концепция языковой личности, как говорится, успешно работает, например в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Чаще всего в этой области речь идет о формировании языковой личности в учебном процессе.

Наша задача несколько иная. Нами заявлен рабочий термин «суммарный портрет культурно-языковой личности».

Во-первых, под суммарным портретом мы будем понимать портрет обобщенный. Но не в обиходно-бытовом смысле, а в смысле максимально возможно научном. Суммарный портрет китайского учащегося – это, строго говоря, его инвариант, то есть сумма тех качеств, свойств его «китайской личности», которые продолжают быть константой при всех колебаниях свойств и качеств индивидуальных.

Когда исследователи рассуждают о национальном характере, они преимущественно указывают на свойства, которые вычлняются квантитативным (количественным) методом, например: «русские гостеприимны», что является в общем-то недоказуемым постулатом. Может быть, русские и гостеприимны «в основной массе», но вычлнить «процент гостеприимности» в конечном счете невозможно. Или же исследователи идут словно бы в обратном направлении, контрквантитативном, то есть опровергают квантитативные обобщения, как правило тенденциозно-идеологического свойства, именуемые стереотипами.

Гостеприимство русских – это не инвариант, а частное эмпирическое заключение, носящее индуктивно-обобщающий характер. Любой стереотип строится по системе двух силлогизмов: сначала с индукцией, затем с дедукцией. Условно говоря: среднестатистический китаец увидел в гостинице Василия. Василий был пьян. Китаец думает: Василий пьян, Василий русский, следовательно, все русские пьют. Затем китаец увидел Федора. Китаец думает: Федор русский, все русские пьют, следовательно, Федор тоже пьет. Даже если Федор – убежденный трезвенник. Эта, казалось бы, примитивная схема, тем не менее, чрезвычайно живучая, она живет в том самом пресловутом фрейдистском бессознательном, хотя сознание и отрицает ее.

Нас же интересуют не прихотливые нейролингвистические «капризы» подсознания, а именно инвариант, т.е. то, что в лингвистике и культурологии именуется эмными, или эмическими, единицами (фонема, морфема, мифологема, культурема и т.д.) [\[21\]](#), или, если угодно, те психологические матрицы, которые К. Юнг назвал архетипами, хотя в данном случае мы имеем в виду национальные архетипы, а не общечеловеческие.

Китаистика (синология) апеллирует ко многим таким эмическим инвариантам китайской культурно-языковой личности, но, по нашим наблюдениям, наиболее фундаментальные из них – две. О них-то мы вкратце и порассуждаем.

При этом, имея достаточно большой опыт практики РКИ и – шире – практики работы в китайской аудитории, мы получили возможность убедиться, что данные инварианты китайского мировоззрения, действительно, что называется, «работают», и весьма успешно.

Во-первых, это то, что часто формулируется китаеоведами как витализм, то есть взгляд на жизнь как таковую как на главную ценность вообще. Нет ничего ценнее жизни.

Это даосская традиция, благополучно дожившая до наших дней. Нет ничего «выше» жизни во всех ее проявлениях. То, что будет после смерти, глубоко второстепенно. Отсюда – культ сначала бессмертия, а затем – долголетия в классическом даосизме, а далее и в современном Китае. Современная китайская аудитория очень виталистична в своей основе. Одна из доминант психологической атмосферы в ней – веселье, смех.

Многие русские преподаватели, не знающие данного инварианта китайской ментальности, на занятиях непроизвольно слишком серьезны, можно сказать, унылы и скучны.

В принципе, выражаясь «радикально-образно», атмосфера на занятии с китайцами в оптимальном варианте должна напоминать атмосферу на китайском рынке, где вы не добьетесь ничего, если будете торговаться (ср: преподавать) с серьезным видом или, не дай Бог, сердиться.

В китайской культуре, прежде всего – повседневной, колоссальную роль играет культура смеховая. В несколько суженном виде наука о смехе, влияющем на здоровье человека, называется гелотологией [\[11\]](#).

Если понимать ее шире, как науку о смехе во всех ее проявлениях, то можно уверенно утверждать, что преподаватель в китайской аудитории должен быть профессиональным гелотологом. Все китайские учащиеся очень ценят остроумие, иронию, а особенно – самоиронию преподавателя. Китайцы и сами весьма самоироничны. Самоирония – одно из центральных качеств даоса, например Чжуан-цзы, как, впрочем, и греческого Сократа, и греческих же киников, и русских скоморохов и юродивых. Условно говоря, преподаватель должен стать в какой-то степени «скоморошествовавшим Чжуан-цзы». В этом случае студенты охотно принимают смеховые «правила дидактической игры», предлагаемые преподавателем, и начинают азартно соревноваться друг с другом в остроумии. Причем «смеховая дидактика» возможна на всех этапах обучения, в том числе и на начальном, например в преподавании фонетики.

Одно из словосочетаний, которое может стать здесь ключевым дидактическим принципом, – это «веселая игра». Китайский учащийся – в первую очередь Homo Ludens, то есть человек играющий (название знаменитой книги Й. Хейзинга). В этом смысле преподаватель должен обладать всем арсеналом «дидактической людетики», то есть некой «педагогической игрологии» [\[9\]](#).

Конечно, «виталистический императив», «витацентризм» определяет и тематику занятий. Умозрительно-метафизические темы, характерные для западной философии, здесь будут вряд ли уместны.

Прежде всего, китайскую культуру можно охарактеризовать как фагоцентричную («фаго» по-гречески – ем) [\[5\]](#), то есть еда – одна из главных тем для китайцев. Здесь открываются огромные перспективы для обсуждений. Многие ключевые моменты китайской культуры так или иначе связаны с «фагологией».

Приведем пример. В древнем китайском мифе о Потопе люди были уничтожены наводнением, и только брат и сестра избежали смерти, спрятавшись во вполне «съедобной» тыкве. Позже брат и сестра стали мужем и женой, воссоздали людей и стали предками человечества. Тыква тесно связана с воспроизводством человека.

Тыква, круглая и многосемянная, то есть плодовая, устойчиво ассоциируется с беременной женщиной. Женщина, рожая, воспроизводит мир, то есть как бы спасает его, как тыква спасла человечество во время Потопа. В связи с этим и поедание тыквы носит глубоко ритуальный характер.

Многие китайские мыслители (Конфуций, Мэн-цзы и др.) говорили о еде как о базовой потребности человека, не только (и не столько) в физическом смысле, но и в метафизическом. Еда – это для китайцев важнейший способ познать мир. Есть такая известная парадоксально-ироничная максима: если европейцы используют свое мышление (мозг), чтобы познать мир, то китайцы используют рот, чтобы сделать то же самое.

В китайском языке есть такое выражение: «первый человек, который съел краба». Оно принадлежит китайскому писателю Лу Синю, «похвалившему» первого на земле человека, который осмелился съесть краба [3]. Конечно же, как считают жители Поднебесной, этот человек был китайцем... Мао Цзэдун сказал: «если хочешь узнать вкус груш, надо попробовать их самому» [14]. Дегустация осуществляется ртом. Рот – «пробует», что значит «исследует», «испытывает» и в результате – «понимает». Европейцы назвали бы этот подход научно-позитивистским.

Еще один пример. Линь Ютан анализируя причину, по которой китайцы не внесли существенного вклада в мировую биологию (что, конечно же, не совсем верно), с юмором заметил, что причина следующая: китайцы никогда не могли спокойно наблюдать за рыбой, а только думали о вкусе рыбы, если ее, опять же, «взять в рот» [4]. Вероятно, это потому, что научное любопытство у китайцев к объективному миру никогда не превышало их любопытства к вкусной еде.

Конечно, каждый человек должен есть, чтобы выжить, но китайцы и жители Запада, особенно северного Запада, совершенно по-разному относятся к еде. Для западных людей в большинстве случаев еда – это просто источник энергии, который дает возможность организму продолжать работать и, следовательно, делать что-то для саморазвития и самореализации. По их мнению, что во многом вышло из христианской доктрины, слишком интенсивное употребление еды не только не спасает душу, но даже убивает ее (чревоугодие). У китайцев же еда является, пожалуй, основной и главным приоритетом в жизни, самой важной «вещью среди всех вещей». Выражаясь максимально обобщенно, западные люди «едят, чтобы жить», китайцы – «живут, чтобы есть».

Надо заметить, что тема еды весьма актуальна именно в современном мире. Она наиболее устойчивая к воздействию т.н. глобализации, потому что является своего рода константой традиционной материальной культуры. Ведь ее основу неизбежно составляют базовые продукты, состав которых, как правило, достаточно устойчив и постоянен на протяжении веков [8]. Эта устойчивость обуславливает столь же устойчивые образы, ассоциации и т.д.

Мо Янь, лауреат Нобелевской премии по литературе, например, неоднократно вспоминал, что в детстве мечтал есть пельмени три раза в день. Причина? Пельмени похожи на уши, и их едят во время зимнего солнцестояния, «чтобы уши не замерзли» (традиционное китайское убеждение, и до сих пор в этот день китайцы едят пельмени).

Кроме того: китайцы считают, что пельмени похожи на традиционные китайские золотые слитки, символизирующие богатство и сплоченность семьи. Поедание пельменей во

время праздника Весны - это демонстрация человеком своей идентичности, принадлежности к определенной социокультурной группе, а как следствие - стремление к благополучию, к которому в значительной степени и приводит эта идентичность.

Вся эта «традиционная метафорика», как пишут специалисты, основана на формирующихся столетиями и тысячелетиями «национально-культурных ассоциативных комплексах» [\[13\]](#). Еда - это не просто «наполнение желудка», но своего рода обладание высшим знанием, основа менталитета, «ориентация в пространстве Бытия».

«Питание», один из наиболее материальных аспектов существования, может быть самым важным аспектом и в понимании «духовного темперамента» нации.

В этом смысле местная еда для китайских студентов в России - не только пополнение жизненной энергии, но и своеобразное духовное, «синэргийное приобщение» к русской культуре (а может быть, наоборот, - «минное поле», то есть столкновение с неприятной для китайцев русской едой). Это неотъемлемый элемент «глубинного учебного процесса», никогда не ограничивающегося работой в аудитории.

Еда, кроме всего прочего, для китайских учащихся в России объединяет в себе две функции. С одной стороны, это преодоление чувства одиночества во время коллективной трапезы, с другой - «насыщение» чувства ностальгии по дому. Это сложное чувство «радостно-сакрального» синтеза, на наш взгляд, (хотя и не на «китайском материале») очень удачно передано в фильме «Ешь, молись, люби» (2010).

Просто говоря, еда для китайцев в России - один из самых действенных способов решить проблемы адаптации, снять психологический стресс и установить общественные контакты с другими людьми в контексте межкультурной коммуникации. О проблеме соотношения еды и т.н. культурного шока уже шла речь в научной литературе [\[12\]](#). Об адаптации иностранцев в России и, в частности, о еде как неотъемлемой ее части, тоже существует достаточно обширная литература [\[1\]](#).

Таким образом, фаготерапия (еда) и гелототерапия (смех) в международном образовании - важнейшие модусы человеческого бытия. Это важнейший раздел философии образования.

Далее: при работе с китайскими учащимися приветствуется всё «жизнеутверждающее». Например, кинокомедии, юмористическая проза, обсуждение самых различных бытовых проблем, включая физиологические и т.д.

Одним словом, витализм как инвариант, как «эма» китайского суммарного портрета культурно-языковой личности порождает множество его виталистических вариантов. И все они в обязательном порядке присутствуют в китайской аудитории, выступая в роли своего рода «дидактического гештальта».

Второй инвариант китайской ментальности часто именуют симпатическим мышлением или холизмом.

Суть его заключается в том, что в исконном сознании китайцев всё в мире связано со всем и в конечном счете мир не поддается причинно-следственному детерминизму, который характерен для западного мышления. Этот принцип можно обозначить формулой: всё в одном, одно во всём, всё во всём, одно в одном. Или китайской максимой: нельзя сорвать цветка, не обидев звезды. Или цитатой из Ф.И. Тютчева: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» Или термином русской философии

Серебряного века «всеединство». Или популярным термином западного постмодернизма «ризом», что значит грибница [\[10\]](#).

Мы имеем дело здесь с самыми разными формулировками, но суть их одна: целое не поддается рациональному решению частей. Части не поддаются диктату целого. Есть нечто высшее и непознаваемое (Дао), что является арбитром в решении отношений всего со всем.

Как эта даосская симпатическая магия отражается на дидактике преподавания китайцам в российской аудитории?

Очень просто. При анализе любого учебного материала акцент должен делаться не на чистой логике, а на случайных, самых неожиданных ассоциациях, сопоставлениях, сопряжениях. Чем непредсказуемее ассоциация, тем эффективнее дидактический эффект.

В этом смысле китайская культурно-языковая личность очень созвучна культурно-языковой личности русской.

Заметим, что оба отмеченных в этой статье инварианта тесно связаны друг с другом. Ассоциативно-симпатическое мышление напрямую связано с виталистическим восприятием мира. А витализм, в свою очередь, предполагает «холизм» как интегральное освоение действительности.

Библиография

1. Бахолдина В. Ю., Благова К. Н., Мовсесян А. А. Особенности питания и адаптация студентов из Китая к жизни и учёбе в России // Символ науки. 2016. №1-3. С. 17 - 28.
2. Брыксина И. Е. Лингвокультурема как единица содержания билингвального / бикультурного обучения иностранным языкам в высшей школе // Вестник ТГУ. 2009. №1. С. 102 - 110.
3. Ван Юйин. Отражение китайской культуры в пословицах о питании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2023. №1. С. 73 - 77.
4. Ван Цзы-хуэй. К вопросу о китайской пищевой культуре. Народное Издательство в Шэньси, 2006. (王子辉. 中华饮食文化论[M]. 陕西人民出版社, 2006.)
5. Елистратов В. С. О региональной фагологии // Еда и культура. 2015. №1. С. 44 - 51.
6. Иванцова Е. В. О термине «Языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. №4 (12). С. 24 - 32.
7. Млечко Т. П. Дифференциация подходов к изучению типологических разновидностей языковой личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. №1. С. 77 - 86.
8. Павловская А. В. Пищевые утопии как отражение культурно-исторической традиции народов мира // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. №1. С. 146 - 168.
9. Пономарев В. Д. Игрология досуга: феноменология и педагогическая. Технология игры // Вестник КазГУКИ. 2012. №2. С. 13 - 17.
10. Синельникова Л. Н. Ризомы и дискурс интермедиальности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. №4. С. 805 - 821.
11. Фурсов А. Л. Современная гелотология: Юмор в образовании, психологии, технологиях управления персоналом // Гуманитарный научный журнал. 2017. №1. С. 153 - 171.
12. Хэ Я. Проблема межкультурного общения в образовании: культурный шок и адаптация к нему // Человек и культура. 2023. № 5. С. 17 - 28.
13. Черкун Е. Ю., Гао Цзяньго Метафорическая номинация в китайской гастрономической

лингвокультуре // Вестник СВФУ. 2023. №2 (20). С. 99 - 111.

14. Чжан Хун-минь. Мысль Ван Чуна и дух Чжэцзяна // Наблюдение и размышление. 2019. № 11. С. 87-92. (张宏敏. 王充思想与浙江精神[J]. 观察与思考, 2019 (11): 87-92.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как автор отразил в заголовке («Современный китайский учащийся в российском вузе: опыт составления суммарного портрета культурно-языковой личности»), является суммарный портрет культурно-языковой личности современного китайского студента (учащегося) российского вуза. Хотя автор отдельно не останавливается на уточнении объекта исследования, но и не утаивает того, что предложенный им теоретический конструкт «суммарный портрет культурно-языковой личности» рассматривается непосредственно в практике межкультурной коммуникации между китайскими студентами и российскими педагогами. Прикладной аспект изученного предмета раскрывается автором применительно к выбору дидактической стратегии общения педагога российского вуза с современными китайскими студентами.

Под суммарным портретом китайского учащегося (студента), как поясняет автор, он понимает инвариант, сумму тех качеств, свойств «китайской личности», «которые продолжают быть константой при всех колебаниях свойств и качеств индивидуальных». Поясняя необходимость использования предложенного конструкта, автор обращает внимание, что близкое по уровню обобщения понятие «национальный характер» неприемлемо, поскольку трактуется в зависимости от теоретического подхода очень широко и, в результате, девальвируется как «креативная черная дыра с очень широким "горизонтом событий", гигантский полигон научных (а иногда и околонаучных) экспериментов». Рецензент обращает внимание, что метафоричность сравнения в данном случае оправдана, поскольку отражает весьма острую проблему состояния теоретического дискурса в области социально-гуманитарных наук, являющуюся следствием методологического плюрализма и междисциплинарного дрейфа ряда общих понятий. И поскольку теория языковой личности, несмотря на отдельные, отмеченные автором как несущественные, формально-логические недостатки, хорошо себя зарекомендовала в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), именно её расширение берется автором на вооружение.

Прибегая к образным сравнениям и анализу фундаментальных мировоззренческих установок (нормативов) китайской культуры, автор выделяет три важнейших условия успешной дидактики в общении с китайскими студентами: 1) дидактика как гелототерапия (смехотерапия), в силу виталистической установки китайцев на иронию и самоиронию; 2) дидактика как фаготерапия (или терапия вкуса), в силу особой роли вкуса в китайском восприятии окружающей действительности; 3) дидактика как продукт симпатического мышления, в силу особой холистической трактовки китайцами гармонии мироздания (во многом схожей с русской «вселенскостью духа»). В заключении автор приходит к выводу, что выделенные им условия успешной дидактики в общении с китайскими студентами формируют суммарный портрет культурно-языковой личности современного китайского студента (учащегося) и обеспечивают успешность межкультурной коммуникации российского педагога с китайскими студентами непосредственно в тесной взаимосвязи соблюдаемых проанализированных в статье факторов: «ассоциативно-симпатическое мышление напрямую связано с

виталистическим восприятием мира. А витализм, в свою очередь, предполагает «холизм» как интегральное освоение действительности».

В целом предмет исследования раскрыт автором на достаточном для публикации в авторитетном академическом журнале теоретическом уровне: автор подчеркнул и обосновал методическую и дидактическую ценность предложенного им теоретического конструкта. Вместе с тем, в рамках возможной перспективы дальнейших исследований темы, рецензент обращает внимание, что описанная автором дидактическая стратегия «удобоваримости» преподаваемых знаний может представлять собой универсальную альтернативу не менее универсальному «сухому» изложению фактов и теорий учащимся различных национальностей и культурных стереотипов мышления: возможно, игровая дидактика в рамках ассоциативно-симпатического мышления, является важнейшим компонентом культурной (человеко-сообразной) педагогики, ценность которого во многом искусственно принижается в рамках парадигмы дистанционно-цифрового образования.

Методология исследования опирается на принципы теоретического обобщения практического педагогического опыта автора. Для иллюстрации обобщенного опыта автор прибегает к сравнению и интерпретации фундаментальных мировоззренческих нормативов традиционной китайской культуры с западными стереотипами. Методологическая цель исследования (обосновать дидактическую ценность теоретического конструкта «суммарный портрет культурно-языковой личности современного китайского студента (учащегося)») достигнута.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что «китайские учащиеся в современных российских вузах (бакалавры, магистры, аспиранты, стажеры) ... совершенно разные люди. У них разные уровни владения русским языком, профессиональные навыки, различные психотипы, они представляют широчайшую палитру регионов Китая со своей «цветущей сложностью» региональных особенностей и т. д.», но тем не менее, существуют и должны использоваться в педагогической практике выбора дидактической стратегии общения педагога российского вуза с современными китайскими студентами определенные общие закономерности, которые и позволяет суммировать авторский теоретический конструкт «суммарный портрет культурно-языковой личности современного китайского студента (учащегося)».

Научная новизна исследования, заключающаяся в расширении теории языковой личности посредством авторского теоретического конструкта, заслуживает внимания.

Стиль текста в целом автором выдержан научный. Отдельные образные сравнения и метафоры следует отнести к сильной стороне эмотивной аргументации, не подменяющей собой логические принципы теоретической дискуссии, но усиливающей их. Отсутствие расшифровки распространенной в специальных кругах аббревиатуры «РКИ» при первом упоминании можно считать несущественной ошибкой.

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного поиска.

Библиография в достаточной мере раскрывает проблемное поле исследования, но её оформление нуждается в корректировке с учетом требований редакции и ГОСТа: по ГОСТу описание источника осуществляется на языке источника, а переводы на иной язык приводятся в квадратных скобках (см. https://nbpublish.com/fkmag/info_106.html); кроме того, следует обратить внимание на точность заголовков отдельных публикаций коллег.

Апелляция к оппонентам корректна. Автор аргументировано участвует в острой теоретической дискуссии, хотя не персонализирует своих оппонентов.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и может быть рекомендована к публикации после небольшого исправления обозначенных рецензентом оформительских недочетов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемое исследование посвящено особенностям культурного и языкового развития китайских студентов в российских университетах. Автор рассматривает важные аспекты, влияющие на процессы обучения и адаптации китайских студентов в новой для них образовательной среде, особое внимание уделяет витализму и холизму, а также подчеркивает значение еды и смеха в китайской культуре.

Предметом исследования являются особенности культурно-языковой личности современного китайского студента в российском вузе. Автор подробно анализирует два ключевых инварианта китайской ментальности — витализм и симпатическая даосская «магия», которые оказывают влияние на процесс обучения и взаимодействия с окружающими.

Автор старается использовать комплексный подход, включающий анализ научной литературы, этнографических данных с учетом личного опыта работы с китайскими студентами. Таким образом, читатель получает достаточно полное представление о предмете исследования.

Актуальность исследования обусловлена растущим числом китайских студентов в российских вузах и необходимостью понимания их культурных и языковых особенностей для более эффективного обучения и адаптации. Знание такой специфики поможет преподавателям вузов и администраторам образовательных программ создавать благоприятные условия для обучения и социализации китайских студентов.

Научная новизна работы заключается в попытке создания коллективного портрета культурно-языковой личности китайского студента, что включает в себя анализ ключевых инвариантов китайской ментальности и их влияния на процесс обучения. Авторы предлагают практические рекомендации по использованию этих знаний в образовательной деятельности, что делает исследование полезным для преподавателей и специалистов, работающих с китайскими студентами.

Статья выдержана в академическом стиле, четко структурирована и логично организована. Список литературы включает достаточный спектр источников, что свидетельствует о глубине исследования и тщательной подготовке автора.

Автор не упоминает конкретных оппонентов или существующие дискуссии по изучаемому вопросу, однако он учитывает возможные возражения и сомнения читателей, предлагая практические рекомендации и аргументированные объяснения своих выводов.

Выводы исследования подтверждают важность учета культурных и языковых особенностей китайских студентов в образовательных учреждениях. Рекомендации, предложенные автором, могут существенно улучшить качество обучения и повысить комфортность пребывания китайских студентов в России.

Статья будет интересна широкому кругу читателей, включая преподавателей, методистов, психологов, социологов и других специалистов, занимающихся вопросами международного образования и межкультурной коммуникации. Также она может привлечь внимание исследователей, занимающихся проблемами адаптации и обучения иностранных студентов.

В целом, статья «Современный китайский учащийся в российском вузе: опыт составления суммарного портрета культурно-языковой личности» представляет собой значимое исследование, которое вносит вклад в развитие теории и практики межкультурной коммуникации в образовательной сфере.

Однако, хочется порекомендовать отказаться от понятия «суммарный портрет» в пользу более привычного и широкого используемого в научной литературе, а эпитет суммарный дает читателю ложный след, отсылая либо к коллажности, либо к суммарности как свойству какого-то коэффициента, который в работе не выводится. С таким терминологическим уточнением могу рекомендовать статью для публикации в журнале «Философия и культура».